

Александр Лапин – писатель и публицист. Работал собкором газеты «Комсомольская правда» в Казахстане, прошел путь от корреспондента до одного из руководителей «Комсомольской правды» в Москве, создатель медиахолдинга, депутат областной думы, президент Федерации традиционного карате «Фудокай». Автор более двадцати художественных и публицистических книг, лауреат Большой литературной премии России (2019), премии правительства

РФ в области средств массовой информации (2015), национальной премии «Лучшие книги и издательства – 2014», международной литературной премии имени Валентина Пикуля и других.

Александр ЛАПИН

(Россия)

СУПЕРХАН

(Фрагмент романа)

Было их четверо друзей, вышедших из одного села в Восточно-Казахстанской области. Вместе они закончили школу. И каждый шел по жизни своей дорогой, но так уж получалось, что так или иначе дороги эти пересекались. И четверо друзей, встречаясь, то спорили о «символе верь», то вместе вершили «великие дела».

Разное было за эти годы. С Амантаем они крепко сцепились в эпоху «заката империи», когда Казахстан выходил на путь независимого развития. Доходило до открытой вражды.

Но годы шли. И через четверть века они, так же, как и их народы, поняли, что есть не только общая юность, но и общая история. А самое главное – общие интересы. Друзья снова встретились в Вене, на заседании ОБСЕ, и им было что вспомнить в тихом венском кафе...

Потом Амантай пел мелодичные казахские песни на юбилее у Дубравина. И, надо признать, звучали они здесь, в Центральной России, красиво и задумчиво. В ту пору Амантай, пройдя все ступени бюрократической карьерной лестницы в своем независимом государстве, отдыхал душой в Европе, будучи чрезвычайным и полномочным послом.

А дальше жизнь сделала еще виток. И Амантай перебрался в Москву. Их с Шуркой (так Александра Дубравина звали те, кто знал его с юности) дружба обрела, можно сказать, третье дыхание. Появились общие интересы. Например, оба уже в достаточно солидном возрасте начали играть в большой теннис. Дубравин раз в неделю брал уроки у профессионального тренера. А Амантай приистрастился к этому делу в Австрии.

Тогда же Амантай встал и на горные лыжи. Катался он в традиционном стиле, изящно выдвывая на пологом склоне красивые па. Как будто не катался, а танцевал. Вместе они несколько раз съездили в Болгарию и даже как-то «развели понть» в Куршевеле. А когда в России появился курорт мирового уровня – Красная Поляна – обкатали и его.

Вот и нынче они собрались опять в Сочи. Только перед этим Амантаю понадобилось слетать домой в Казахстан. Он решил уйти на пенсию, потому что, судя по всему, в республике намечались значительные перемены. Великий несменяемый, которому шел уже восемьдесят первый год, наконец-то оставил свой пост и отошел от текущих дел. Вся придворная челядь, конечно же, гадала, что будет дальше. Многие были уверены, что преемницей станет родная дочь или кто-то еще. Нередко всплывало и имя Амантая.

Амантай полетел сначала в новую столицу, чтобы оформить отставку, а затем в свою любимую Алма-Ату – проведать детей, решить кое-какие вопросы со старшей женой Айгерим. После этого он должен был вернуться в Москву, чтобы разгрести дела в посольстве, а там – «Здравствуй, солнце! Здравствуй, Сочи!».

Дубравин ждал звонка от друга, чтобы наконец определиться с поездкой. Амантай, по его расчетам, должен был позвонить еще несколько дней назад. Но он молчал. И Дубравин, который не хотел на него наседать, давить, выпив горячего чаю (без чаю я скучаю), всё же нажал кнопку автоматического набора на дисплее.

Роуминг есть. Гудок проходит. Но вот ответа всё нет и нет.

«Ладно, он увидит, что я звонил. И перезвонит!» – решил Александр, оставляя свою попытку достучаться до бывшего посла.

Но прошел час, другой, третий, а ответного звонка всё не было.

Прошел день. И Дубравин снова набрал знакомый номер, готовясь выплеснуть на друга свое негодование в выражениях, соответствующих их стилю общения. Но снова никто не ответил.

Оказалось, пару дней назад Амантай, который всю жизнь любил красивые, раритетные вещи, купил новую игрушку – коллекционную модель, американский, как у нас говорят, «джип-широкий». И решил на нем погонять по дорогам Заилийского Алатау. Почувствовать драйв. На одном из поворотов недалеко от высокогорного катка «Медео» с боковой, скрытой от глаз, дороги неожиданно выскочил груженный КамАЗ. От удара американец слетел с асфальта и мог свалиться в пропасть, но чудом зацепился за дерево, росшее на краю обрыва. Однако результат столкновения был ужасающим...

Неожиданно даже для самого себя Шурка провалился в прошлое и вспомнил, как они с Амантаем в последний его приезд в Луговое захотели поплавать ночью в реке, которая текла рядом с домом. Вышли из дома. Прошли вверх по берегу километр-другой, и уже там, за селом, спустились на песчаный прибрежный пляжик. Из одежды на них были только плавки. И они смело вошли в теплую, как парное молоко, воду.

Вода темная. Небо темное. Закрыто тучами над головой. Тишина. Слышны только голоса птиц в лесу на том берегу. А на этом, обжитом, светились окна домов. И тут откуда-то из-за горизонта напоззли тучи. Заморосил легкий мелкий дождик. Капли зашлепали по воде, а потом уже начали, холодные, по их бедным головешкам сечь. Решили пробираться к дому вплавь.

Как ни странно, по воде путь оказался длиннее, чем тот, что они прошли посуху. В общем, Амантай подустал, и они вылезли на бережок под высоким склоном. А дождик что-то разошелся. Кругом ночь, тьма. Амантай почему-то испугался, что не доплывет, и Шурка долго его уговаривал вернуться обратно в воду. Но тот заупрямился. Уж что-что, а упрямитесь он умел. Потом впал в ступор.

Тогда Дубравин прошел вдоль по берегу. Наткнулся на спущенные с высоты обрыва деревянные мостки. Не церемонясь, навалился на них и выломал из этих мостков большую широкую доску. Притащил ее сидящему у воды Амантаю, швырнул в воду рядом с ним, отдышался и скомандовал: «Садись на доску! По-едем». Так они и добрались до дома: замерзший Амантай – сидя на доске, а

Дубравин – держась за нее и направляя вдоль берега. Охранник, открывший им калитку, с удивлением смотрел на голых, мокрых и продрогших мужчин, появившихся со стороны реки и кинувшихся срочно греться в баню...

Дубравин вспоминал этот случай, и на него новой волной накатили, налетели горестные мысли: не будет больше Амантая. Не будет в их жизни ни радостных встреч, ни яростных споров, ни совместного купания в речке. И посиделок за бутылкой хорошего вина тоже не будет.

Перед кончиной Амантай Турекулович поручил председателю демократической партии Казахстана, главному кандидату в президенты Казахстана от оппозиции Азимбаю Ваксанову забрать и опубликовать завещание.

Пока спускались вниз по извилистой горной дороге, Дубравин вспоминал: «Дай бог памяти, когда же я познакомился с Азимбаем? Да лет тридцать назад. Когда тот был пресс-секретарем знаменитого премьер-министра – реформатора Базаралы Карабаева. Кажется, это было в девяносто четвертом. А потом его шефа, который заявил о своих президентских амбициях, “опельмовали”, отправили в отставку, и он вынужден был покинуть страну. А Ваксанов подался в оппозицию. Создал республиканскую партию. Да, тогда они и встретились. И был интересный разговор о будущем Казахстана».

Дубравин, посмотрев на ситуацию в республике глазами «московского журналиста», высказался о ней нелестно:

– У вас какая-то странная позиция. Промежуточная. Как будто вы стоите над пропастью в раскорячку. Одной ногой – уже в демократии, а второй остались в прошлом. Но даже не в советском, а каком-то далеком прошлом. И надо бы определиться: где вы? А обусловлена эта позиция тем, что в республике как минимум половина населения русскоязычная... Она-то и не дает вернуться назад... в средневековье.

Хорошо они тогда поговорили. Славное было время. Они были молоды и беспечны. Но политика – дело жестокое. Правящая верхушка опасалась тогда оппозиции. И, конечно, в борьбе с нею использовались все методы. Как-то при очередной встрече Азимбай спросил совета у Дубравина:

– Тут меня приглашают работать в правительство. Предлагают должность министра по делам печати и информации. Как считаете? – он всегда обращался к Дубравину на «вы», хотя разница в возрасте была не так уж и велика.

Дубравин тогда подумал и ответил честно:

– Я думаю, они тебя подержат какое-то время. До тех пор пока не дискредитируют в глазах оппозиции, твоих друзей и товарищей. А потом выкинут на свалку истории. И тогда твое положение будет окончательно подорвано. Сейчас ты лидер оппозиции. С тобой считаются, признают тебя и в западных странах, в посольства приглашают, СМИ интересуются твоим мнением. А после такой эскапады кому ты будешь нужен?

Может, зря тогда он дал такой ответ Азимбаю. Потому что после того, как он отказался идти на сделку, его подстерегли ночью, когда он возвращался домой, четверо молодцов в масках и избивали дубинками. Да так беспощадно, что Азимбай больше месяца лежал в больнице. А когда СМИ и оппозиция задали вопрос самому Папе, почему не расследуется это чудовищное дело, тот ответил так: «А кто его избил? Может, это он от подружки возвращался. К чужой жене ходил. Вот муж с друзьями его и подстерег!»

Так решали проблему с оппозиционерами тогда. Но в последние годы, когда власть укрепилась и сам Папа решил отправиться на отдых, оппозиция понадобилась. И Азимбаю предложили участвовать в выборах нового президента на правах спарринг-партнера.

Он согласился и выступил достойно. Правда, в последний момент власти, обнаружив, что он в некоторых районах и областях набирает непростительно

большой процент, испугались. Азимбая позвали в администрацию Папы и, угрожая расправой, потребовали, чтобы он немедленно признал преемника победителем. Пришлось подчиниться.

История эта сильно повредила имиджу Ваксанова. Но политика – искусство возможного.

* * *

Домик главной оппозиционной республиканской партии на окраине Алматы встретил Дубравина обгорелым деревянным боком.

– Это после выборов! Тут у штаба собралась целая разъяренная толпа. Хотели с ним расправиться за то, что обманул их надежды. Он тогда попал в больницу, – объяснил картину Олег.

– Серьезно? Надолго? – спросил Дубравин, стучась в закрытую дверь одноэтажного простого, даже уютного дома. – А чего они здесь штаб-то устроили? На кой ляд?

– А этот дом еще в девяностые подарил партии один сторонник демократии. Вот с тех пор они здесь и сидят. Да вы громче стучите. Охранник, небось, спит.

И действительно, когда Дубравин несколько раз бухнул в металлическую дверь кулаком, а потом наподдал еще и ногой, изнутри залязгал засов. Приоткрылась дверь, оттуда высунулась лохматая славянская голова, и перед ними во всей красе объявился казачок в камуфляже – традиционной форме всех охранников постсоветского пространства.

Из коридора Дубравину был слышен его сиплый голос: «Разрешите доложить! Тут прибыл господин Дубравин. Спрашивает самого». А потом он все-таки перешел с докладного тона на простой: «Абеке, я их уже запустил в приемную!» И снова: «Слушаюсь!»

Казак вернулся к посетителям и неожиданно заявил:

– Азимбай Са... скоро прибудет. Попросил подождать... Я могу предложить вам чаю.

Видимо, ему объяснили важность московского гостя. И он принялся хлопотать.

Действительно, минут через десять поднесли чай в чайнике и разноцветные пиалки. А еще через десять на пороге приемной появился и сам Ваксанов. Еще не старый, но уже весь седой. С седыми прядями в густых волосах. С белыми усами, но еще черными дугами бровей. Лицо знакомо-округлое. Манеры по-восточному мягко-величавые, плавно-барствственные.

После объятий и похлопываний они присели друг напротив друга. Дубравин не стал фальшивить и плести, что захотел с ним встретиться, потому что давно не виделся, а сразу взял быка за рога. Был, мол, на похоронах, получил записку, ездил в «Лесную сказку» к Ерболу, тот направил к тебе. Дубравин уже давно обращался к Азимбаю на «ты», словно приглашая его тоже перейти на этот более близкий формат, но тот был по-прежнему по-восточному церемонен.

– Да, правда! Ербол отдал мне бумагу. А забрать ее попросил меня имамхатыб Рустам Хаймуллин... Вот так, уважаемый!

Увидев, что на лице у Дубравина возникла гримаса недоумения, он пояснил:

– В последние годы они сильно сдружились на религиозной почве. Оба исповедовали мистический ислам. Были суфиями. Или делали вид! Я не знаю. Особо не вникал в эти тонкости, уважаемый.

– И где они теперь, эти бумаги? – Дубравин почему-то побоялся даже сказать «завешание». Видно, не привык к тому, что Амантая больше нет.

– Вы говорите «бумаги»? Но бумаг особых не было и нет. Есть только несколько листков. Достаточно странных, – ответил Азимбай.

Дубравин нетерпеливо спросил:

– Я бы их посмотрел...

– Конечно, конечно! Я их сейчас достану.

Азимбай достал ключи из портфеля. Лязгнула открываемая дверца металлического сейфа.

Из аккуратненькой синей папочки он добыл несколько листков, небрежно исписанных почерком Амантая, протянул Дубравину, а сам сел в кресло напротив. Александр углубился в чтение. Содержание его, мягко говоря, было весьма странным, но интригующим. Это было письмо верноподданного сторонника великого отца нации, в котором он перечислял и так известные всем заслуги «хозяина». Дубравин с интересом читал сначала некий исторический экскурс. Узнавал, что истоки казахской государственности начинаются в далеком средневековье – точнее, в тысяча четыреста шестьдесят пятом году, когда в Семирежье на развалинах Золотой Орды было создано Казахское ханство. Шли века. Казахские ханы воевали с соседями и между собой. И в тысяча семьсот двадцать третьем году войска соседнего Джунгарского ханства вторглись в казахские земли. Силы были неравными, и, несмотря на героическую борьбу, джунгары теснили и разоряли племена и жузы. Дело шло к полному истреблению народа. В такой обстановке ханы были вынуждены просить Российскую империю о подданстве. В советское время Казахстан сначала получил автономию, а затем стал полноправной союзной республикой. Коммунисты железной рукой проводили свои реформы. Особенно запомнилась аграрная реформа. Она привела к массовому падежу скота, голоду и гибели более двух миллионов человек. Но это была одна сторона реформ. Нельзя отрицать и то, что за годы советской власти были построены заводы, шахты, электростанции, железные дороги. Побеждены неграмотность и эпидемии. Стали активно развиваться национальная литература и искусство. Космические запуски с Байконура, большая нефть Мангышлака, строительство ГРЭС в Экибастузе, Карметкомбината в Караганде – вывели Казахстан на третье место в СССР по социально-экономическому развитию. К концу девяносто первого года Казахстан был страной с уже сложившейся хозяйственно-экономической системой. А главное – во главе республики стоял несомненно выдающийся лидер.

Дальше Амантай пел сплошные дифирамбы любимому шефу: «Уже в середине восьмидесятых Вы, как молодой и талантливый политик, заняли место во главе Совета министров республики. То есть сама история готовила для республики человека, который поведет ее по пути независимого развития... В момент падения империи Вы сделали то, что и должен был сделать настоящий политик. Вы, как капитан попавшего в шторм корабля, взяли всю ответственность на себя. Вы боролись за СССР до последнего. Делали всё возможное, чтобы страна не распалась. А когда это все-таки произошло по вине безответственных политиков, сумели так повести дело, что развод республик произошел в цивилизованной и приемлемой форме. Только понимая, что Союзу осталось жить считанные дни, Вы заняли пост главы Республики Казахстан.

Через шесть дней Казахстан стал новым независимым государством. С Вашей подачи Верховный Совет республики принял конституционный закон «О государственной независимости Республики Казахстан». После этого Вы собрали в тогдашней столице Казахстана руководителей одиннадцати бывших советских республик, где они и подписали Алма-Атинскую декларацию. Она говорила о том, что Советский Союз юридически прекратил свое существование, и провозгласила создание Содружества Независимых Государств. То есть СНГ.

После этого началось самое трудное время. Объем производства сократился вдвое, сельское хозяйство упало на треть, перевозки на две трети. Безработица.

Эмиграция. Невыплаты зарплат, пенсий, пособий. Реальная угроза холода и голода. И Вы пошли путем первопроходцев. Сначала экономика. За ней политика. Денежная реформа в Казахстане – Ваше детище – позволила в течение короткого времени достичь стабилизации экономики.

Уже тогда я начал работать с Вами. Я был рядом и в тот период, когда Казахстан добровольно отказался от статуса ядерной державы. И тогда, когда Вы первым объявили об идее современной Евразийской интеграции. Вашим верным сподвижником я был всегда, даже если многие не понимали Вас. В частности, когда Вы предложили перенести столицу на север, в холодные акмолинские степи. Вместе мы создавали гармоничные межнациональные отношения в республике. Строили новое государство, а вместе с ним и новую жизнь нашего народа...

Я всегда нахожусь в Вашей команде. И Вы щедро отмечали мои заслуги! Я получил от Вас всё: должности, материальные блага. Почести. Из Ваших рук я получил генеральские погоны. Благодаря Вам я стал тем, что я есть! И я всегда держал Ваш пример перед своими глазами, руководствовался Вашими идеалами! И сейчас я готов пожертвовать всем, чтобы вместе с Вами строить новую жизнь казахского народа. Поэтому я клянусь, что никогда не предаю Вас. И сделаю всё возможное, чтобы Вы были довольны моей работой...»

Дубравин дочитал последнюю страницу этого довольно странного опуса. И посмотрел на сидящего с отсутствующим видом Ваксанова.

– Может, выпьем? – спросил тот. И, не услышав ответа, пошел к шкафчику за бутылкой коньяка.

Разлили по рюмкам. Выпили не чокаясь.

– Я чего-то не пойму! – сказал задумчиво Дубравин. – Если это так называемое завещание Амантая, то чего тут скрывать и прятать его от народа и от кого-то?

– Я думаю, это не то завещание, о котором все говорят. Скорее всего, это так называемое письмо верности.

– Чего-чего? – переспросил Дубравин.

– Дело в том, что когда-то сам «ноль первый» писал такое письмо своему предшественнику, а когда возглавил страну, ввел в постоянную практику подобного рода письмотворчество. Все люди, что были приближены к «телу», должны были писать такие личные клятвы Хозяину. Все, даже родственники. Его зять тоже писал такое письмо. Но, правда, потом, когда они окончательно разругались, письмо зятя было опубликовано в каком-то бульварном листке. Так что такие клятвы верности никого ни от чего не спасают и ни к чему не обязывают.

И Азимбай продолжил рассказ о царящих в нынешней элите нравах:

– Видно, такое же письмо наш «ноль первый» потребовал написать и от Амантая. Вот его-то нам и подсунули.

– Но зачем? – спросил его доверительно Дубравин. – И кто?

– Наверное, чтоб не искали настоящее завещание, – ответил ему в тон Азимбай.

– А вообще оно может существовать, это завещание?

– Думаю, да. Амантай Турекулович был человек резкий. И знал очень много. Так как все тридцать лет работал рядом с «ноль первым». А в последние годы чувствовал себя обиженным тем, что Хозяин предпочел людям из команды своих родственников. Я думаю, он мог оставить записки. И потом эта его неожиданная гибель в автокатастрофе...

Дубравин вспомнил разговоры на поминальном асе Амантая:

– А что, есть какие-то подозрения?

– Понимаете, наша политическая история за эти тридцать лет много чего видела. Изначально, конечно, дело до убийств не доходило.

– Вот, Азимбай, ты писал в статье, что все выборы у вас, начиная с двухтысячных, – фальсификация. Но тебя ведь допустили до выборов президента? И, как-никак, ты набрал целых шестнадцать процентов!

– А, вы об этом! Это были выборы особенные. Второго президента. Тут есть несколько причин. Во-первых, все хотели, чтобы эти выборы признали легитимными. А для этого надо было допустить хоть кого-то из оппозиции. А я в оппозиции самый старый. Двадцать пять лет. Во-вторых, приехали международные наблюдатели. И им надо было что-то показать. В-третьих, на выборы шел преемник, а не сам Хозяин. И если бы на выборы он шел сам, то себе бы он взял как минимум девяносто пять – девяносто восемь процентов. А тут – преемник. И преемнику следовало показать его место. Поэтому выборы решили сделать почти настоящими. Но когда они поняли, что я выигрываю, то сразу засуетились, забегали, – голос у Азимбая задрожал. – А того они не знают, каково мне все эти годы быть одному. В одиночку стоять...

Дубравин его понимал. Но Азимбай справился и продолжил:

– У нас ни одни выборы в мажилис не происходили вовремя – всегда то раньше, то отменялись.

– А почему? – не удержался Дубравин.

– Потому что они проводились, когда это было выгодно нашему несравненному Отцу нации. И что главное – наша политическая, скажем так, линия, несмотря на все особенности, почти всегда повторяла политическую линию России.

Вот вспомните октябрь девяносто третьего года, когда Ельцин разгромил парламент и принял свою новую Конституцию, которая дала ему полномочий больше, чем имел царь. А у нас всё было изящнее, намного проще и смешнее.

– Не понял. Это как?

– Ну, нашему Хозяину тоже парламент не нравился. Слишком уж он был самостоятельный. И по Конституции президент должен был, как говорится, согласовывать, утверждать, отчитываться. А хотелось быть хозяином. – Азимбай помолчал. Усмехнулся в усы. – Правда, у нас разгон парламента растянулся по времени. Его распускали дважды.

Судя по всему, обнаружив, как лихо Ельцин разделался с Верховным Советом, наш «ноль первый» решил провернуть подобное и у себя, только вот действовал он в другом, присущем только ему ключе. По-восточному хитро и с таким видом, будто он тут вовсе ни при чем. Это и стало его стилем. Совет – что делать с парламентом – дал ему наш батыр, преданный человек Аманбек Мурадилов. Он предложил: «Пусть они самораспустятся... начиная с самого низа». И вот пошло-поехало. Депутаты одного из районов Алма-Аты заявили о самороспуске. Все думали: какая-то глупость. Может, чудачество. А потом пошли одни за другими... Это был казахский цирк. Оппонент «ноль первого» – глава парламента – решил продемонстрировать уверенность в себе и улетел в Индию... Зря он так сделал. Потому что утром того же дня группа депутатов предложила провести самороспуск Советов всех уровней. Включая и Верховный. Странники Хозяина пошли сдавать мандаты. И уже на другой день двести депутатов из трехсот шестидесяти сложили свои полномочия. Да еще и приняли закон о самороспуске. И делегировали Хозяину кучу своих полномочий. Аптильдин улетел спикером мажилиса, а вернулся из Индии... безработным. Вот так.

– Ну, тонкий ход хотя бы дал возможность избежать открытого столкновения, как в России. А потом-то что было? Как он стал диктатором?

– Это длинный путь. Потом были выборы нового парламента. В нем всех было понемногу. И демократов, и коммунистов, и националистов. Каждой твари по паре. Наш Суперхан торжествовал. Думал, что у него есть карманный парламент. Но парламент не хотел становиться ручным. И тоже всту-

пил в оппозицию нашему несравненному отцу нации. И тогда он еще раз во всем блеске проявил талант интригана. Нашел еще более оригинальный способ роспуска мажилиса. Весной следующего года он отправил депутатов по округам. Якобы для консультаций с избирателями. А в это время... Поводом для нового роспуска явился иск непрошедшей кандидатки в депутаты, известной журналистки Натальи Витковской. Сразу после выборов она подала заявление, что, мол, выборы незаконные, потому что прошли с огромными нарушениями. От нее в тот момент отмахнулись, как от назойливого комара. Но, чтобы она заткнулась, дали ей должность, равную по статусу заместителю министра. На, подавись! А когда наш Алдар-Косе увидел, что мажилис надо разогнать, то решил этот иск пустить в ход. Причем в оборот взяли всех, а не один округ, где шла Наталья. Решили, как мух, прихлопнуть весь парламент. В дело пустили Конституционный суд. Но даже карманный Конституционный суд уперся. Пришлось отправить в разные командировки тех судей, которые сопротивлялись. Оставшиеся дома, даже не имея кворума, приняли постановление по иску мадам Витковской о «несоответствии Конституции республики некоторых решений Центральной избирательной комиссии». И вот наш «ноль первый» появляется на телеэкране с видом «я не я, и лошадь не моя». И говорит: тут, мол, Конституционный суд принял «неожиданное решение». И что он, конечно, уважает этот орган. Но все-таки внесет свое «возражение». Начинается игра в слова и одновременно в поддавки между спикером парламента, Суперханом и Конституционным судом. Депутаты хотя и туго соображают, но в конце концов осознают, что речь идет об их шкуре. Они бросаются в атаку, принимают постановления, но в конце концов сдуваются. Тогда распускается и этот парламент. А депутатам предлагается освободить здание. Они удаляются. Занавес. Государственный переворот, закончившийся в России стрельбой и трупами, у нас произошел в результате блистательно разыгранной комбинации нашего Алдара-Косе.

– Две страны. Две истории, – заметил Дубравин. – Но ситуация – как две капли воды... Получается, что ваш Хозяин просто хитрее нашего.

– Я бы назвал его хитро... ну, скажем так, хитромудрым.

– Так что же дальше-то? Он тоже принял новую Конституцию под себя?

– Не так быстро. Он создал новый орган якобы власти. Так называемую Ассамблею народов Казахстана. Туда свел всех представителей народов. И вот эта Ассамблея, прости господи, «уговорила» его... угадайте, что сделать?

– И?..

– Продлить свои оканчивающиеся полномочия еще на пять лет. До двухтысячного года. И уже через месяц прошел референдум, на котором эти полномочия были продлены. В обход выборов. В обход законной процедуры. В обход всех органов власти.

– Да! Вот это мастерство! – пробормотал ошеломленный Дубравин.

– Ха, это еще не всё. Он вошел во вкус! Повторно собрал сессию этой Ассамблеи. И получил от нее добро на второй референдум по принятию новой Конституции.

– То есть он, как бы минуя всех своих политических оппонентов, напрямую обращается к народам Казахстана. И те дают ему добро на всё дело.

– Оба-на! И он уже олицетворяет абсолютную власть. Но при этом слова, слова. Про демократию, власть народа. Всех убаюкивает. После принятия этой Конституции Суперхан мог смело повторять вслед за Людовиком Четырнадцатым: «Государство – это я!» Все три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная – оказались с того времени у него в руках. Республика стала полностью президентской. А потом и выборы стали не нужны.

Дубравин смотрел на своего старого товарища круглыми глазами:

– Это как?

– А вот так! В какой-то момент Хозяин решил, что реальные выборы вообще не нужны. И построил простой, но эффективный механизм. Мне о нем рассказал его бывший зять. Делалось это так. Печатаются на всю страну два комплекта бюллетеней. Один развозится по участкам для голосования, а второй остается в Комитете национальной безопасности. Люди голосуют, заполняя бюллетени. После окончания голосования их собирают и сжигают. А сотрудники КНБ заранее привозят на участки уже заполненные у них вторые экземпляры. Их и начинают считать в комиссиях... В бюллетенях ведь стоят только галочки, – пояснил Азимбай. – За кого. Они же анонимные. Посчитают. И у них искомое лицо получает девяносто два процента. Так было в две тысячи пятом году на очередных-внеочередных выборах. Дошло до того, что в третьем парламенте оказались исключительно только члены его партии.

– Е-мое! – сказал Дубравин. – Даже наши до такого не додумались. А ведь как просто! – Дубравин был прямо заинтригован тем, как на этот раз вышел из положения хитроумный Суперхан, который на политическом поприще мог бы потягаться с героем казахских историй о безбородом обманщике Алдаре-Косе.

– У вас страна слишком большая. Народу много. И возить вторые экземпляры далеко. Да вдруг кто-то проболтается. У нас всё проще. И в комиссиях сплошь зависимые люди. Чуть что – сразу прижмут. А чтобы уж совсем осечки не вышло – поставили в КНБ дублирующий сервер Центральной избирательной комиссии. Он выдает итоговые цифры, которые ему диктуют из Администрации Самого...

– Не переживай! У нас тоже всё очень похоже. Имитационная демократия. Выборы без выбора. И страной управляют безымянные бюрократы.

...Скоро Базаралы подлетит из Лондона! Да вот уже на табло светится его рейс. Дубравин набрал номер Карабаева, но услышал ответ механическим голосом: «Абонент вне зоны доступа».

«Бум ждаты», – решил Александр. И снова, помешивая густой горячий чай в белой фарфоровой чашке, принялся смотреть вокруг.

Жизнь в аэропорту кипела. То и дело объявлялись очередные рейсы, и разномастная публика, присевшая на время в этом аэропортовском ресторанчике, поднималась с насиженных мест и устремлялась к выходу. На посадку. А его всё нет, бывшего премьер-министра Казахской Республики, человека, с которым еще в те далекие годы свела Дубравина журналистская судьба.

Когда же это было? Их первое знакомство. Первая встреча с человеком, который и провел в Казахстане все основные экономические реформы, стал «реформатором года». А потом проявил свои президентские амбиции и оказался неуютен, изгнан из страны, заочно судим «самым справедливым в мире» казахским судом. Теперь больше двадцати лет он обретается за границей. Живет в Лондоне. И ждет, когда вечный, непотопляемый Отец народа окончит свой земной и политический путь и предстанет для отчета перед Аллахом. Да, встретились они тогда, когда он был еще полон сил и при должности. Встретились в Целинограде. В гостинице, что располагалась в здании бывшего «Интуриста». О чем говорили? Конечно, не о дружбе народов и интернационализме. У премьер-министра была проблема, связанная с владельцами одного российского банка. Судя по всему, они крупно рассорились с казахстанским правительством, и Карабаев искал посредника, человека, который был бы вхож к ним. Таковым ему показался топ-менеджер «Молодежной газеты» Дубравин, который приехал в эти края создавать представительство. Так они и сошлись. Дубравин по-

обещал «доложить руководству» о желании казахстанских властей продолжить переговоры, что и сделал. И почти забыл о встрече. Но, видно, жизнь – более закрученный сюжет. И, похоже, она какими-то невидимыми, мистическими нитями связала их судьбы, потому что спустя пару лет свита «ноль первого» принялась травить бывшего премьер-министра. И он был вынужден обороняться с помощью независимой прессы. «Молодежная газета» предложила ему свои страницы. Грант из-за границы помог сторонникам Карабаева выражать свое мнение на медиаполе Казахстана. Да, была и третья история, связанная с бывшим премьер-министром. Дубравин тогда еще жил в Москве и работал генеральным директором группы «Завтра». Однажды около часа ночи у него вдруг зазвонил телефон. Дубравин, чертыхаясь, взял трубку. Каково же было его изумление, когда он услышал в трубке хрипловатый, но твердый голос Базаралы Макжановича. К тому времени они уже перешли на «ты».

– Саша! Я в Москве, в аэропорту Шереметьево, – поздоровавшись, сообщил ему новость бывший премьер-министр.

Из дальнейшего разговора Дубравин узнал, что Базаралы задержали российские пограничники. Видимо, спецслужбы двух стран сговорились по-тихому арестовать оппозиционного режиму политика на границе России. И так же по-тихому самолетом вывезти в Астану. При этом никаких законных оснований для задержания Базаралы у них, естественно, не было. Просто договорились коллеги по-дружески.

– Одна надежда на вас! На прессу! – торопливо говорил в трубку Базаралы. – Если это дело получит огласку, они не посмеют экстрадировать меня в Казахстан...

Закончив разговор, Дубравин тут же набрал номер редактора «Старо-новой газеты», затем перезвонил Протасову и еще нескольким знакомым редакторам. Рассказал эту историю. И стал торопливо одеваться сам, понимая, что счет идет на часы, а то и минуты. А живет он совсем недалеко от аэропорта...

...Прибывшие в аэропорт к месту происшествия многочисленные журналисты увидели благодатную картину: в «секретном» номере Карабаев «распивает чай» с руководством одного из подразделений. Ему вернули паспорт, а журналистам сообщили, что инцидент исчерпан и бывший премьер-министр может лететь, куда пожелает. Да и вообще никто и не думал его выдавать на расправу нынешним властям Казахстана.

«Струхнули! – понял Дубравин. – Испугались, что сейчас начнется гигантский международный скандал из-за незаконного ареста и выдачи. И решили от греха подальше...»

...Потом у них была еще одна встреча в Лондоне, где жила семья опального премьера. Он тогда познакомился с его русской женой. Посмотрел на его английский быт. И жена со слезами на глазах рассказывала, как ездила в Казахстан на похороны отца, а местные холуи режима следили за ней, запугивали, угрожали арестом...

Но время прошло с тех пор немало. И теперь у них новая встреча. «Это, конечно, прикольно, – думал Дубравин, – назначить встречу во франкфуртском кафе». А если перевести на простой русский язык – в зоне, где происходит транзит, то есть пересадка людей с одного рейса на другой. Это чертовски остроумно, а главное – удобно! Чем удобно? Ты прилетел. Высадился на немецкой земле. Но границу не пересекаешь. Формальностей избегаешь. В город не едешь. Здесь, в этой зоне аэропорта, есть всё необходимое, чтобы посидеть, поговорить. Вон сколько разных кафе, ресторанчиков, залов, где можно скоротать время. А потом встреча закончилась – садись на нужный тебе рейс и лети себе обратно. И опять же не надо проходить ни таможеню, ни погранцов.

Базаралы появился как-то неожиданно. Как будто материализовался из воздуха в проходе между столиками китайского ресторанчика. Они дружески, без напряжения обнялись и наконец уселись за столик у окна. Им были видны всё взлетное поле, ползавшие по нему оранжевые машины, стоявшие разномастные стальные птицы. За стеклом был слышен отдаленный гул взлетающих и садящихся бортов.

Карабаев сильно изменился. Раньше это был ядреный смуглый мужик с густой шапкой жестких волос. Теперь черная шевелюра побелела и поредела, скуластое, смуглое лицо сильно осунулось. Но взгляд всё тот же – твердый, упертый. Одет он был тоже не по-чиновничьи – в костюм и галстук, каким его помнил Дубравин, а уже по-европейски комфортно – в вельветовые в мелкий рубчик коричневые брюки, плотную синюю рубашку с эмблемой над кармашком, черную курточку.

Перед долгим разговором заказали китайских угощений. Но не усердствовали особо. Так, свинина с бамбуком, рисовые белые лепешки, креветки на чугунной сковороде, зеленый чай. Поели. И, конечно, разговор шел о Казахстане. Ведь Дубравин недавно был на похоронах Амантая, многих видел, со многими говорил. А Базаралы Макжанович в теме. Потому что Казахстан – его жизнь. Он до сих пор консультировал правительства и фирмы, давал советы инвесторам и политикам. Наконец Дубравин коснулся волновавшей его темы:

– Саша! Ты знаешь, как проходила приватизация в России?

– Ну приблизительно знаю! Безобразно проходила.

– Ну, давай вспомним. Три волны приватизации. Первая – условно говоря – ваучерная. Всем раздали ваучеры. Люди отнесли их в фонды и продали за копейки. Фонды собрали ваучеры и купили на аукционах самые лакомые куски государственной собственности. То есть, пользуясь тем, что люди мало понимали смысл ваучеров, обманули их и за бесценок отняли их собственность.

– Второй способ я знаю. Сам наблюдал, – заметил Дубравин. – Это когда приватизировались предприятия и акции делили на предприятиях. Кому и сколько – в зависимости от стажа, должности, зарплаты.

– Правильно. Раздали акции людям...

– И выкупили! – вспомнил Дубравин, как в свое время выкупал акции в молодежной газете.

– Правильно. Раздали акции людям. А головка предприятия, так называемые красные директора, эти акции где добром, а где и под угрозой увольнений, – подхватил Карабаев, – забрала себе.

– Есть и третий способ приватизации, – заметил Дубравин.

– Самый бесчестный и подлый, – добавил Карабаев. – Это залоговые аукционы. Когда самые лучшие куски сырьевого сектора были распроданы друзьям-товарищам.

– Да, я помню. За сотню миллионов долларов продавали нефтяные холдинги, стоившие десятки миллиардов.

– Или «Норильский никель»...

– Да и те деньги были взяты в кредит у государства. Афера полная и подлая.

– Потом прошло время. И начался в России передел. Красные директора в основном разорились, обанкротились, распродали свою собственность. Силовики отобрали у большинства сырьевиков их нефтепромыслы. В общем, где как и кто как. Подтянулись рейдеры. Поэтому в Казахстане, когда увидели, что происходит, поступили несколько по-иному...

– Мудрее? – заметил Дубравин.

– Я бы сказал, хитрее. Папа решил продать наше добро на Запад. Он говорил: там и денег больше дадут, и инвестиции будут. А закон тамошние уважают. И технологии приведут...

– Ну что ж, он прав был...

– Хм, – усмехнулся Карабаев, – а вы знаете в России, что такое Казахгейт? – И, увидев удивленные глаза Дубравина, продолжил: – Вижу, не знаете. Так вот, наша приватизация велась по двойным стандартам. Как и всё, что делает наш «ноль первый». Иностранцам говорили: «Если вы хотите получить шикарные возможности для бизнеса в Казахстане и лакомый кусок собственности при приватизации, то вы должны нам помочь». Как? А вот так! Минюстом был зарегистрирован так называемый Казахстанский фонд экономического реформ. В этот фонд и поступали взносы желающих поработать над развитием реформ. Состав членов фонда был разным. Но всегда были представлены интересы Отца народа. К стати говоря, Хозяин был единственным, кто сам на себя оформлял счета. Сам расписывался. Никому не доверял. Вот из этого фонда, куда инвесторы вносили свои взносы, деньги и перекачивались на западные счета. Начинали с небольших по нынешним временам сумм. Просили по двести пятьдесят тысяч долларов, как говорится, с носа. Ну а потом – всё больше и больше. Счет пошел на десятки и сотни миллионов долларов. Не брезговали и наличными. От корейцев, например, прямо в самолет Шефа занесли четыре огромных чемодана с долларами США. Потом появился американец Джон Баффен, новый советник. И взятки были поставлены на поток. Миллионы, десятки миллионов, сотни...

Дубравин аж присвистнул от удивления:

– Е-мое! – он верил и не верил. Но понимал, что человек, который сидит перед ним, знает всю подноготную правду о Казахстане, потому что сам был свидетелем и участником тех событий.

– Сложившаяся схема была проста. При приватизации, например, одного металлургического комбината – жемчужины казахстанской экономики – индусам предложили: «Вы покупаете дешево, очень дешево. Но за это вносите взнос в сумме сто миллионов в наш небюджетный фонд...» Так и пошло. А кроме явного соглашения, которое регистрировалось официально, делалось второе – неофициальное, по которому индусы владели не всем купленным пакетом акций комбината, а только его частью. Остальное уходило либо Крестному отцу, либо его доверенным людям. И существовала бы эта схема тайно. Да черт попутал. Они решили, когда выжили меня из страны, искать мои якобы похищенные деньги на заграничных счетах. Обратились к бельгийским властям с просьбой отыскать мифические сокровища. Бельгийцы ничего не нашли, но по ходу расследования обратились к Швейцарии за информацией. Те проверили все счета, владельцами которых являются граждане Казахстана. И обнаружили, а потом арестовали счета самого, его семьи и друзей-подельников. На огромные суммы в миллиарды долларов.

Так начался Казахгейт. В Америке к ответу призвали его помощника и советника Баффена. А тот показал, что брал и давал взятки (от имени и по поручению...). Наш «великий» почти десять лет не выезжал на Запад, потому что его обуял страх, что где-нибудь в Европе или Америке его возьмут под стражу. Потребовались гигантские усилия лоббистов и огромные деньги, чтобы замаять скандал и спустить дело на тормозах.

– Значит, он до конца не закончился? Я недавно читал, что в Лондоне арестовано несколько квартир и дом, принадлежащий дочери и внуку Суперхана. Цена их – сто миллионов долларов. Сейчас английское правосудие требует ответа: на какие деньги они куплены?

– И это не всё еще. Арестованы в Австрии шестьсот миллионов долларов, принадлежащие семье. Они оформлены по поддельному паспорту на старшую дочь Хозяина.

– Ну, а как Казахгейт – тогда всё же удалось замять? – вернулся к теме Дубравин.

– Наняли одного очень известного на Западе лоббиста и его компанию. И они за деньги в течение нескольких лет спускали Казахгейт на тормозах. А то сидеть бы нашему отцу нации в американской тюрьме.

– Значит, и казахскую нефть тоже «американцы» получили за взятки? – вспомнив свою боевую журналистскую молодость, поездку на Тенгизское месторождение и публикацию «Пираты в степи», спросил Дубравин.

– Я в разделе нефтяных богатств Казахстана не участвовал. Тут Шеф, как говорится, свою лапу наложил. Поэтому комментировать, кто сколько получил, не буду. Но то, что делили варварски, – это точно. Подписывали соглашения на самых унижительных и невыгодных стране условиях. В основном на принципах раздела продукции...

– А это что такое?

– Это когда западная компания получает право работать на ваших месторождениях, вкладывает какие-то деньги, а потом качает нефть, не платя ничего стране до тех пор, пока не окупит все свои вложения. И, естественно, не может их окупить практически никогда.

– Это почему?

– Да потому, что они в таких случаях делают гигантские фиктивные расходы на миллиарды долларов и десятилетиями рассказывают сказки о том, что денег от продажи мало, а расходы большие. И появляются всё новые и новые...

– А! – воскликнул Дубравин. – У нас тоже такое было. Это когда разрабатывали нефть на Сахалине. И тоже заключали такие кабальные соглашения. А потом поняли, что их водят за нос, и разорвали.

– Ну вот видишь, Саша, всё очень похоже. Не знаю, как у вас, а у нас такие соглашения подписывали за взятки.

– А зачем ему столько денег? – спросил Дубравин. – Ведь с собой в могилу не унесешь?

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Карабаев, показывая ряд всё еще крепких белых зубов. – Денег много не бывает. С их помощью он проводил все свои выборные кампании. А главное – содержит весь свой клан.

– Да, я иногда смеюсь и говорю, вспоминая свой опыт, что все казахи – родственники.

– Вот-вот! А если у тебя еще и три жены, куча зятьев, внуков.

– Три жены?! – удивился Дубравин.

– Первую жену Хозяина, я думаю, ты помнишь!

– Ну да! – ответил Дубравин. – Еще в советские времена она чудила, продвигая какую-то особую горную воду.

– Затем брат, электрик из Узун-Агача. Жена брата, их дети... Его собственные три дочери. Три зятя. Внуки... Третья жена. От нее сын. И второй... И еще один мальчик – племянник, которого он воспитывал. Еще родственники...

– Что-то многовато набирается, – пробормотал Дубравин, ожидая, когда же наконец Карабаев огласит весь список.

– И каждому надо дать хорошую должность. Каждому выделить кусок собственности...

– И имя им – легион!

– Во-во, легион! Отец третьей жены сразу стал генералом, как только родился его внук. А как иначе? И так все. Каждому, кто в семью попадает, нужен свой кусок. Особенно отличался старший зять. Сущий был разбойник.

– А как ты считаешь, кто его повесил в камере венской тюрьмы? Он сам? Или кто-то руку приложил? – Дубравину все-таки было интересно, и он хотел узнать мнение такого осведомленного человека.

– Зятек как человек был просто мерзавец, хотя о покойниках или хорошо, или никак. Его художества потрясали весь Казахстан. Он выкрал в свое время жену и дочь одного известного банкира. Пытал директора крупнейшего банка...

Увидев изумленные глаза Дубравина, Базаралы подтвердил:

– Да-да. Привязал его к спортивному тренажеру и лично избивал. Заставлял переписать всё имущество на себя. Тот сделал это. И тогда его убили. «Ноль первый» всячески его покрывал. Отправил по дипломатической линии в Вену. Но и в Вене он тоже вел себя по-хамски. Когда он добровольно сдался властям Австрии, то сделал заявление, что он и их тоже может вывести на чистую воду... Так что мое мнение такое: кто-то захотел от него избавиться. Он принимал в камере снотворное. Вот ему, судя по всему, дали двойную порцию. А когда уснул, в камеру зашли двое. Задушили и повесили. Во всяком случае, его адвокаты и его австрийская семья не верят, что он ушел из жизни добровольно. Но... доказать ничего невозможно. Тайна сия великая есть. И заметь, Саша: сейчас наступил такой момент, когда теснят от власти бывших верных соратников Хозяина. И не только теснят, но и отбирают у них нажитое. Идет активный передел. Недовольных в стране море.

– И сколько они заглотили, на твой взгляд? – любопытствовал Дубравин.

– Оценки разные. Ну, цифра называется около ста миллиардов долларов.

Дубравин присвистнул.

– Так вот, чтобы не упустить эту собственность, богатства, надо любой ценой удержать власть. И передать ее по наследству. А сейчас идет транзит. И, возможно, рассчитано было, что нынешний, побыв исполняющим обязанности президента, уйдет с поста. И автоматически власть перейдет к старшей дочери. А он почему-то стал проявлять строптивость. Вроде был такой покорный, тихий человек – и на тебе. Возомнил себя законно избранным... И в борьбе все средства пошли в ход. Неожиданно внук нашего Суперхана, живущий в Лондоне, заявил, что он не внук вовсе, а сын. Сказал на весь мир. И дело запахло инцестом. Репутация семьи – ниже плинтуса. Потом арестовали имущество в Лондоне на сто миллионов. Так что транзит власти к дочери затормозился, несмотря на все происки первого клана Хозяина.

– Ну а при чем здесь мой друг?

– Амантай Турекулович в этой борьбе мог оказаться третьим. Той темной лошадкой, которой и достался бы приз в этом забеге. Я ничего не утверждаю на сто процентов. Но его гибель в аварии может оказаться одним из звеньев той зачистки политического поля, что сейчас идет в Казахстане. Чтобы создать наследное ханство, вернуться в средневековье, можно пойти и на такие жертвы.

– Это черт знает что! А ты знаешь о политическом завещании Турекулова? Им-то оно зачем?

– Дело в том, что Суперхан не вечен. А тщеславие его огромно. Он уже при жизни построил себе памятник – столицу. И назвал ее своим именем. Он хочет остаться в истории как Отец нации. Основатель Казахского государства. А твой друг может своим завещанием всё испортить. Вот они и суетятся. Боятся. Ведь он был мэром Астаны и знал правду. Что строительство, а теперь содержание этого города – непосильное бремя для республики. Город нежизнеспособен. Ежегодно только на его содержание, как я полагаю, дополнительно тратится из бюджета пять миллиардов долларов. Гигантская сумма для страны. И это в то время, когда рядом со столицей в селах и аилах нет воды, газа, отопления. Люди живут в средневековье. Дорогая игрушка...

В это мгновение Дубравину почему-то вспомнились Индия и Фатехпур-Сикри близ Агры – город, построенный по велению императора Акбара I. Тоже

на пустом месте. И этот город все покинули, когда у императора-махараджи пропал к нему интерес.

– Так что причины для убийства были. Он в последние годы вообще-то старался проявлять лояльность. Я помню, даже написал статью, в которой оправдывал строительство стольного града. Но всё равно он был опасен. И даже сейчас, с этим своим завещанием.

– Из-за разоблачений?

– Господи! Каких разоблачений? Все и так знают, что творится в республике. Страна у нас по численности населения небольшая. Так что шла в мешке не утаишь. Все всё понимают: кто воровал, кто убивал, по чьему приказу. Суперхан не выдержал испытания неограниченной властью. Как лакей, который, когда хозяева ушли, стал воровать серебряные ложки. У него психология заведующего овощной базой. А система мышления простая: сам что-нибудь сотворит, а потом ищет, на кого свалить вину. Не разоблачений он боится... Не хотел я говорить... Ведь даже отправленный на пенсию Амантай Турекулов оставался очень влиятельной фигурой, особенно на западе Казахстана, где жигитеки, к которым он принадлежал, очень сильны.

А там произошло вот что. Когда Армения вошла в состав Евразийского союза, из нее в эти западные области хлынул поток праворульных машин. Завезли их больше двухсот тысяч. А в Казахстане их эксплуатация запрещена с две тысячи восьмого года. Народ машин то набрал, а зарегистрировать их не может. В результате возникло напряжение. А затем начался бунт. Перекрытие дорог, стычки с полицией. Запад забурлил. И если бы Турекулов поехал туда и возглавил движение, этим, в столице, не поздоровилось бы. И у них выход был один: либо дать ему высокую должность, либо...

Карабаев улетел. Но, как говорится, обещал вернуться. А Дубравин остался ждать свой обратный рейс на Москву. И думать. Крепко думать обо всем, что узнал за время поисков завещания умершего друга.

РУССКИЙ Крест

Александр ЛАПИН
представляет первую часть
своей новой трилогии
«Книга живых»

«СУПЕРХАН»

ВСЕ ЛИ ТЫ СДЕЛАЛ,
ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ
СВОЕ ЗЕМНОЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ?

Политический
детектив,
журналистское
расследование,
деревенская проза,
романтическая
новелла
и философская
притча —
под одной обложкой

www.alapin.ru БСЧБ

Журнал публикует фрагмент романа. Книгу Александра Лапина «Суперхан» можно приобрести на маркетплейсах.
